

ИРАВАДИ, НАРОДНАЯ РЕКА...

НЕТ, МИР положительно делается все тесней. Можно перенестись за тысячи километров в совершенно незнакомую страну, выйти на аэродроме где-то за тридевять земель от дома и вдруг увидеть знакомое лицо.

Так было со мной, когда в составе делегации советских писателей я прилетела в Бирму.

Мне никогда не приходилось бывать прежде на бирманской земле, но я сразу нашла знакомых.

Более двух лет назад на Конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте в составе бирманской делегации были У Кин Маунг, У Ба Вин, У Та Ньют. Сейчас они вместе с председателем ассоциации писателей Бирмы У Завана, председателем комитета по приему У Тет Тое с радужным и гостеприимством раскрывали перед нами двери в свою родную страну.

Страна эта прекрасна, и я понимаю, что в небольшой статье рассказать о ее величавых храмах, о шумных ее городах, о сказочных красотах природы невозможно. Я и не намерена этого делать. Мне хочется просто вспомнить тех людей, с кем за десять дней мы сердечно сблизились, в ком нашли добрых, открытых друзей.

У Та Ньют, приехавший к нам в отель, с трогательной памятью говорил о своих ташкентских впечатлениях. Вспоминал колхоз, где его радушно принимали, рассказывал о том, что подаренную ему тюбетейку разрешает надевать дочери лишь по праздничным дням. Он пригласил нас к себе домой, сопровождал нас во всех наших поездках, и его дружеское расположение не мог не почувствовать каждый из нас.

Профессор Рангунского университета У Тет Тое попросил нас присутствовать на своей лекции о проблемах современного романа.

Нужно сказать, что молодые литераторы Бирмы, которых сейчас в стране очень много, жадно тянутся к изучению теории литературы, и Рангунский университет устраивает для них ежегодно месячные семинары, где старейшие писатели и знатоки литературы читают лекции на бирманском языке.

Профессор и писатель У Тет Тое в своей лекции подчеркивал, что в основе литературного творчества должна быть близость к повседневной жизни, правдивое отображение действительности. Он говорил о большой ответственности писателя за каждую книгу, выпущенную им в свет.

— Книга должна быть умной, содержательной и занимательной, — сказал У Тет Тое. — Но, к сожалению, некоторые современные бирманские романы могут похвастаться занимательностью при полном отсутствии содержательности.

Слушатели в записке просили лектора оценить его собственный последний роман «Старые девы». У Тет Тое самокритично заявил, что его роман не мог бы ответить тем высоким требованиям, которые он, как теоретик, предъявляет к романтическому жанру. Этот несколько дипломатический ответ вызвал оживление в зале.

После лекции студенты и преподаватели дали нам концерт. В традиционных красочных танцах, где каждое движение и жест незыблемы, как статуи богов в храмах Шви-Дагона, проходило перед нами далекое прошлое, седая история бирманского народа.

А в одноактных пьесах современных писателей, разыгранных легко и непринужденно, отразились современность, ее горячие споры, ломка вековых обычаев, происходящая в наши дни.

Такие современные пьесы вызывают особенно жадный интерес публики. Нам пришлось как-то присутствовать в театре на пьесе «Самый лучший» Диян Саятина, где рассказывалась незамысловатая история новых взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Зал был переполнен. Зрители приходят сюда целыми семьями, ведут с собой детей и так горячо реагируют на спектакль, что зачастую мешают актерам.

Однако бывать часто в театре нам не приходилось. Мы с радостью и интересом посвящали свое время встречам с деятелями бирманской литературы.

Очень теплой была наша встреча со старейшей писательницей Бирмы — Ме Ме Лай. Мы все помнили, как в дни Делийской — по сути дела, первой — конференции писателей Азии в Дели из Рангуна пришла весть о присуждении Ме Ме Лай государственной премии за ее литературное произведение. Все, знавшие об этом событии, спешили поздравить награжденную.

Мы высказали желание встретиться с Ме Ме Лай, и как только писательнице передали о нашем приезде, она сразу же отыскала нас. Мы расспрашивали Ме Ме Лай о ее работе, о планах и были рады узнать, что она полна новых творческих замыслов, пишет новую книгу.

Сама юность бирманской поэзии, ее молодая душа, казалось нам, олицетворялись в наших новых знакомых — трех молодых бирманских поэтессах, с кем мы встречались очень часто. Ки Ки Тин, Мет Ме Ме, Банли — три совсем разные, но одинаково очаровательные девушки, молчаливые, серьезные, сдержанные — сопровождали нас в поездках по Рангуну и его окрестностям, вместе с нами присутствовали на встрече с писателями и поэтами Бирмы.

Об этой запомнившейся встрече хочется рассказать подробнее. Она состоялась в конце года — 31 декабря. Этот декабрьский день в Бирме был полон душевной теплоты, запаха цветов, солнечного сияния. Обычный летний день. И странно было представить себе, что у нас дома похрустывает под ногами снег, прихватывает морозом лапы елок, зябко кутаются в меховые воротники прохожие.

И, конечно, традиционной новогодней елки нам в этот раз не уда-

лось увидеть. Нас встретили букетами белых цветов.

Зал, где собрались писатели и поэты, был полон. Вначале шел оживленный профессиональный разговор о месте писателей и поэтов в жизни народа, об условиях творческой работы в Бирме и СССР, о новых советских и бирманских книгах. А потом зазвучали стихи. Многие из них рождались тут же, в зале.

Бирманский язык, мелодичный и звонкий, в стихах звучит песенным напевом. Здесь привыкли читать стихи, растягивая гласные звуки, поэтому кажется, что стихи не читают, а поют.

Мы были тронуты, когда седоголовый старик, протягивая к нам приветственно руки, для каждого из нас четверых пропел несколько рифмованных строк, совершенно явно преувеличивая наши достоинства и литературные заслуги.

На приветствия тоже стихотворным экспромтом ответил азербайджанский поэт Расул Рза. Он кончил его словом «спасибо», произнесенным по-бирмански — «чейзутин баде», — и это вызвало всеобщий восторг.

Когда мы покидали зал, ко мне приблизилась юная девушка, сунула мне в руки листок бумаги, будто вырванный из ученической тетради, и убежала.

Я развернула листок и с помощью переводчицы прочла: «Внезапно, не зная ничего друг о друге прежде, мы встретились в этот день. Забыть об этом мне невозможно». Стихи были подписаны Пуинт У Тет ка-то.

Спасибо тебе, милая Пуинт У, спасибо за искренность и добрые слова!

Мне хочется сказать еще о встречах с человеком, чей голос услышать нам не довелось и чье живое лицо увидеть тоже было невозможно.

Но мы без конца встречались с его портретами, нам переводили его слова, написанные в виде лозунгов, имя его повторялось постоянно, когда речь заходила о национальной независимости страны.

Я говорю об Аунг Санае — национальном герое Бирмы, убитом в 1947 году в борьбе за свободу своей родины.

Он похоронен в центре Рангуна, на площади Героев, бывших, как и он сам, ближайшими сподвижниками У Ну в борьбе за освобождение страны от колониального угнетения.

В память Аунг Сана в Бирме существует великолепный обычай: на праздниках, торжествах, больших собраниях после исполнения государственного гимна воцаряется двухминутное молчание, чтобы каждый бирманец мог в этой торжественной тишине почтить память героя и задуматься над тем, что сам он может сделать для блага родины.

Заботой о благе страны, о процветании народа и, в частности, бирманской литературы проникнута вся деятельность главы государства — премьер-министра У Ну.

В один из дней мы были любезно приняты им в его резиденции в центре Рангуна. В беседе с нами господин У Ну с большим знанием дела коснулся вопросов перевода книг на бирманский язык. В Бирме существует объединение пере-

ЗУЛЬФИЯ

водчиков, которые уже давно познакомили бирманских читателей с произведениями Льва Толстого и Максима Горького. Однако современные произведения советских писателей мало известны бирманскому читателю так же, как и в Советском Союзе трудно составить себе полное представление о современном состоянии бирманской литературы.

Взаимные переводы, с точки зрения премьер-министра У Ну, — чрезвычайно важный фактор в культурном обмене между Бирмой и СССР, очень полезное и нужное дело для улучшения взаимопонимания между народами двух стран.

Господин У Ну с большой теплотой вспоминал о днях, проведенных в Ташкенте, о встречах с Шарафом Рашидовым, который, как и премьер-министр Бирмы, совмещает общественно-государственную деятельность с литературной работой. В настоящее время, несмотря на чрезвычайную занятость, господин У Ну пишет новую пьесу и, как он заметил нам шутливо, подобно всем писателям, надеется, что она будет лучше прежних.

Мы были приглашены господином У Ну на встречу с большой делегацией китайских товарищей, возглавляемой Чжоу Эн-лаем.

Разумеется, мы с радостью приняли приглашение и встречали наших китайских братьев на аэродроме, принимали участие в торжествен-

ном приеме, бывали на митингах дружбы.

Нам предстояла поездка по стране, и наши бирманские друзья говорили увлеченно:

— Вы увидите нашу прекрасную реку Иравади! Вы будете счастливы, когда увидите ее!

Вероятно, для бирманца Иравади так же священна и дорога, как Волга для русского. Я предвкушала встречу с этой достопримечательностью страны, как встречу с человеком, о котором заранее узнала много прекрасного.

Но эта встреча не состоялась. Я получила телеграмму с Цейлона, где меня ждали для участия в заседании Постоянного бюро писателей стран Азии и Африки. Мне необходимо было срочно улететь в Коломбо. И я не увидела спокойных вод и зеленых берегов Иравади.

Но теперь, когда я вспоминаю о посещении Бирмы, мне кажется, что я все-таки видела Иравади — народную реку. Я видела реку энтузиазма и увлеченности, которыми полон народ, строящий новую счастливую жизнь без колониальных господ. Я видела реку любви и уважения к советским людям, бескорыстным и верным друзьям бирманского народа.

Я видела реку добрых стремлений, реку лучших надежд, и эти реки были так же чисты, так же величаво спокойны, так же неуклонно стремительны в своем вечном движении, как бесконечный поток Иравади, стремящийся к океану.

Бирма. На улице города Могоу,

Фото Вл. Микоши